

Дискуссии

Трудное наследие прошлого: Россия в поисках исторической правды

На протяжении нескольких последних лет особенно важное значение во внешней политике России приобрела историческая политика по отношению к странам Центральной и Восточной Европы, входившим ранее в СССР или в состав социалистического лагеря. После восстановления/получения суверенитета эти страны, как правило, взяли курс на интеграцию в евро-атлантические политические и экономические структуры, подвергая критической оценке социалистический период в своей истории и зависимость от СССР. Все попытки установления новых интерпретационных подходов к истории второй мировой войны и роли, которую сыграл в ней Советский Союз, оценивались властями Российской Федерации как действия, направленные на фальсификацию истории и пересмотр итогов второй мировой войны. Довольно часто в России, в которой память о победе в Великой Отечественной войне стала фундаментом построения чувства национальной идентичности, споры об исторической правде служат средством реализации конкретных текущих политических задач. Однако споры о правильной интерпретации исторических событий - это всего лишь проявление общего кризиса взаимоотношений, а не его причина. Не случайно самые сильные напряженности в зоне совместной истории возникают во взаимоотношениях между Россией и государствами, с которыми ее связывают сложные политические, военные и экономические отношения, как, напр., прибалтийские страны, Польша, Украина и Грузия.

В 2009 г., в котором отмечались такие памятные даты, как семидесятая годовщина начала второй мировой войны и двадцатая годовщина демократической трансформации Центральной Европы, президент Д. А. Медведев накануне Дня Победы в своем видеоблоге на официальном сайте Кремля заявил, что попытки фальсификации (истории второй мировой войны) «станутся все более жесткими, злыми и агрессивными» и Россия вынуждена отстаивать историческую истину¹. Впоследствии 15 мая 2009 г. была учреждена Комиссия при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Главной задачей комиссии являлась выработка стратегии противодействия попыткам фальсификации исторических фактов и событий, направленным на умаление международного престижа России. Председателем комиссии был назначен Сергей Нарышкин, Руководитель Администрации Президента РФ. В ее состав вошли в основном руководящие работники органов государственного управления и администрации президента РФ, а не профессиональные историки².

Ожидалось, что вслед за указом о создании комиссии будет принят законопроект «О противодействии реабилитации в новых независимых государствах на территории бывшего Союза ССР нацизма, нацистских преступников и их пособников», а также обновленный Уголовный кодекс РФ, дополненный новой статьей, предусматривающей наказание на срок от 3 до 5 лет тюремного заключения (за преступление, совершенное с использованием служебного положения или СМИ) со штрафом в размере 100-500 тыс. рублей. Уголовная ответственность предусматривалась и при объявлении преступными действий стран-участниц антигитлеровской коалиции, что автоматически обозначало бы конфликт между Россией и прибалтийскими странами, а также Украиной, так как нередко

¹ *О Великой Отечественной войне, исторической истине и о нашей памяти*, <http://blog.kremlin.ru/post/11>.

² *Указ Президента Российской Федерации от 15 мая 2009 г. N 549 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России»*, www.rg.ru/2009/05/20/komissia-dok.html.

действия Красной Армии и других силовых структур СССР признавались в этих странах незаконными и преступными. Согласно законопроекту специальная общественная комиссия имела бы право оценивать, в какой мере можно возложить ответственность за попытки реабилитации нацизма на иностранных политиков, политические партии или общественные организации. Задачей комиссии являлась бы также выработка рекомендаций органам государственной власти РФ по данному вопросу, которые на этом основании имели бы возможность не разрешить въезд в РФ или право предъявить уголовное обвинение в случае временного пребывания на территории России. Санкциям подвергались бы также государства, которые допускают реабилитацию нацизма. Спектр возможных санкций является достаточно широким и включает в себя ряд мер: от рекомендации деловым кругам и населению воздержаться от контактов с данным физическим или юридическим лицом, запрета деятельности на территории России, выдворения посла, частичной или полной информационной и транспортной блокады, вплоть до расторжения дипломатических отношений. Сфера действия закона распространялась бы также на граждан и юридических лиц Российской Федерации. Политические партии в России, общественные организации и средства массовой информации, которым предъявляются уголовные обвинения в нарушении данного закона, подлежат ликвидации на основании судебного решения³.

Однако данный законопроект так и не был принят Государственной Думой и, как представляется, шансы на его одобрение очень незначительны. Вмешательство во внутренние дела стран, возникших на развалинах СССР, неизбежно повлекло бы за собой серьезные осложнения в отношениях России с ее соседями. Вполне вероятно, что определенную роль в этом сыграла также критическая оценка проекта создания Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории как со стороны многих российских исто-

³ ПРОЕКТ: Федеральный закон "О противодействии реабилитации в новых независимых государствах на территории бывшего Союза ССР нацизма, нацистских преступников и их пособников", www.regnum.ru/news/1153517.html.

риков и общественных деятелей, так и, в первую очередь, со стороны государств, оказавшихся в фокусе особого внимания комиссии.

Мы решили опубликовать мнения общественных деятелей, специалистов по международным политическим проблемам и историков из стран, которые связывают с Россией зачастую трудные и болезненные (и это так типично для стран-соседей в Европе!) страницы общей истории. Представлена также российская точка зрения. Мы обратились ко всем с просьбой изложить свою позицию по вопросу о целесообразности создания Комиссии, попытаться проанализировать последствия этого шага для отношений данных государств с Россией и, наконец, оценить значение создания рассматриваемой Комиссии для самой России и осуществления независимых исторических исследований.

Роберт Смигельски,
секретарь редакции журнала «Европа»

Андрес Адамсон

Кандидат исторических наук, совладелец издательства „Argo” (Эстония).

Настоящее через прошлое

Создание президентом России Дмитрием Медведевым «Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России», как и подготовка законодательного акта о наказании «за реабилитацию нацизма», который готовит Российская Государственная Дума, нельзя назвать неожиданными событиями. Ведь даже в новой концепции безопасности России говорится о «безопасности в сфере освещения истории». Почему же мы так остро реагируем на медведевскую комиссию? И как это может повлиять на отношения России с ее соседями, в том числе с Эстонией?

Во время и после крушения советской империи многие факты новейшей истории приобрели в Восточной Европе особую актуальность. Однако в то время как на Западе корректным считается говорить о плюрализме мнений и версий, то в России – согласно опросам – значительное большинство населения считает, что официальная государственная пропаганда и есть та самая святая правда, которой дети должны проникнуться уже со школьной скамьи. И это по-своему логично, если даже председатель Госдумы заявляет, что Дума – не место для дискуссий. Ибо все авторитарные режимы нуждаются в неких социальных религиях, основанных на якобы общепринятых истинах. А при критическом отношении к прошлому возможно столь же критическое отношение к настоящему. Если бы подобную комиссию создала, например, Германия, то в глазах мирового сообщества она мгновенно стала бы парией. То же случилось бы с Великобританией, Голландией, Соединенными Штатами... О странах Восточной Европы и говорить не приходится. И это несмотря на то, что все государства, естественно, занимаются легитимизацией настоящего через прошлое и исторической политикой. Тем не менее, очевидно, что

никакой «комиссии Правды» в нормальных обществах быть не может.

Вопрос, разумеется, не в том, чтобы верхи нынешней России всерьез хотели оправдать или воссоздать именно «советскую модель» своей державы. Для них «державное» – это великорусское, не важно – советское или царистское, но советское просто ближе во времени и потому привычнее для населения. При этом подразумевается, что Россия всегда права или, во всяком случае, не менее права, чем другие великие державы. Потому, что она – Россия. Когда сталкиваются интересы больших и малых, то победа должна быть за большими. Карлики-соседи тут не в счет. Ведь их права и их правды так мелки. Такой откровенный шовинизм, если бы он не рядился в маску неких «общечеловеческих ценностей» и сопровождался бы отказом от сталинистского наследия, мог бы показаться хотя бы честнее последнего. В 1990-е годы попробовали воссоздать православие как идеологическое обоснование царизма в России. Не совсем получилось, да и вряд ли могло бы получиться, поскольку не отвечает реалиям начала XXI века. Вот и пришлось перемешивать сталинизм с православием.

Причин быть обеспокоенными созданием новой комиссии несколько. Во-первых, комиссия может задушить дискуссию в самой России, вернуть ее в состояние, когда существовала одна-единственная «правильная» точка зрения, а все остальные объявлялись «вражескими», «аморальными», «ненаучными». Даже если это не начало скрытого восстановления официальной государственной цензуры, то уже факт существования такой комиссии повысит и без того высокий уровень самоцензуры в российских редакциях, издательствах, в сознании авторов. Все это меняет атмосферу в обществе. При этом сама комиссия может стать инициатором фальсификации истории. Ведь создана она для «противодействия попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» – а в пользу можно?

Главная цель комиссии, как это явствует уже из предыстории ее создания, все же внешнеполитическая – снизить в Европе накал дебатов о Советском Союзе как о захватчике Восточной Европы. Россия, напротив, хочет использовать

события второй мировой войны как повод для раскола Евросоюза: противопоставить друг другу, с одной стороны, жертвы советской агрессии, а с другой – бывших союзников СССР по антигитлеровской коалиции и связанную с Россией экономическими и другими связями и не имевшую по понятным причинам в этих вопросах права голоса Германию. В Балтийских странах и на Украине есть еще возможность использования в своих интересах русскоязычного меньшинства, живущего в инфополе российских СМИ. Ведь история для России – такая же часть внешней политики, как и энергополитика.

То, что целями России являются именно Украина, Грузия, Балтийские страны и Польша, не скрывается. Уже в преддверии создания комиссии, когда обсуждалась нелепая идея криминализации отрицания победы Советского Союза во второй мировой войне (?!), официальный автор проекта Сергей Шойгу указал: «Тогда президенты некоторых стран... не смогли бы безнаказанно приезжать в нашу страну. А мэры некоторых городов, прежде чем сносить памятники, несколько раз подумают об этом». А уже после создания комиссии один из ее членов, депутат Госдумы Сергей Марков объяснил в эфире радиостанции «Эхо Москвы»: «Мы должны освободить историков в Украине, Латвии, Эстонии, Грузии, Польше от того гнета государственной диктатуры, которая осуществляется по отношению к ним». Впрочем, таких примеров – легион.

Никакого «переписывания истории», в том смысле, какой вкладывает в эти слова российская государственная пропаганда, т. е. сознательной фальсификации, в Эстонии не проводится. После крушения СССР было вначале элементарное восстановление собственной истории (т. к. и эстонцы хотят жить своей, а не чужой историей), затем – ее обновление. Не происходит в Эстонии и «реабилитации нацизма». Наоборот – происходит криминализация тоталитаризма, как гитлеровского, так и сталинского, без особого различия между ними. Бессмысленно спорить о выборе, стоявшем во время второй мировой войны перед эстонцами – как раз выбора-то, по большому счету, и не было. Схоластические аргументы вроде таких, что сталинский террор нельзя назвать геноцидом, так

как людей репрессировали не по национальному, а по социальному признаку, или что захват страны Советским Союзом нельзя назвать оккупацией, а надо – аннексией или еще лучше – советизацией, чтобы, упаси Бог, даже при использовании терминов не было никакого приравнивания сталинизма к нацизму, не принимаются. Нет в Эстонии и никакого «госзаказа» историкам, как, впрочем, нет и госконтроля над учебной литературой. Несмотря на кое-какие шаги в исторической политике, преимущественно в сфере символов, власть в целом не формирует общественное мнение и историческую память народа. Скорее наоборот.

В таких обвинениях можно просто усмотреть угрозу: поскольку Россия (Советский Союз) выиграла вторую мировую войну, а Эстония волей-неволей оказалась в лагере проигравших (т. к. потеряла независимость и четверть населения), то все дальнейшее, по праву победителя, автоматически легитимно – и нечего тут рассуждать! Однако для эстонцев развитие истории по «праву сильного» просто неприемлемо, а признать освободителем того, кто после «освобождения» страны занял место ее хозяина, они не могут. Абсолютно чуждой идее о «великой и неделимой» державе противопоставляется идея о самобытности и праве каждого народа на самоопределение на своей коренной территории, где он составляет большинство. К тому же эстонцы склонны считать себя (из-за долгого и в конце концов удачного сопротивления советской власти) одними из победителей в холодной войне. Так что можно поспорить и о том, кто тут занимается «переписыванием».

Но в любом случае взгляд на историю должен соответствовать реалиям исторического процесса. Ведь историческая правда (то, что, как, почему и с какими последствиями случилось) во всей ее комплексности все же существует, и даже если нельзя внятно определить, какая из конкурирующих версий самая «правильная», то почти всегда можно понять, какая из них точно неверна. Однако уже то, что мы должны постоянно тратить время и ресурсы, чтобы отбиваться от очередных нападков, можно считать частичной победой России.

Мечислав Борак

Профессор истории Силезского Университета в Опаве
(Чешская Республика).

О фальсификаторах истории

Около пяти лет назад, во время посещения Музея Великой Отечественной войны в Москве, на Поклонной горе, я спросил смотрителя первого зала о том, куда исчезли фотографии захоронений в катынском лесу и копии документов о расстрелянных польских офицерах, до недавнего времени представленные в витрине. Тот ответил вопросом: «А что, у вас в Чехии экспозиция не обновлялась? Мы исходили из результатов последних исследований военных историков. Мы изъяли эти документы, поскольку они не имеют отношения к войне, эти поляки были врагами Советской власти».

Этот случайно выбранный пример показывает, на что должна обращать внимание новая комиссия по борьбе с фальсификацией русской истории. Российское общество, собственно, никогда не проявляло значительного интереса к освещению советской истории. Однако в последние годы этот интерес был не просто явно потерян, но началось настоящее контрнаступление: литература о политических репрессиях практически исчезла с книжных полок, которые сейчас наводнили издания, прославляющие Сталина и утверждающие, что репрессии имели только экономические причины или что никаких репрессий вообще не было, а речь идет просто о клевете на Сталина врагов России и интеллигентов, продавшихся Западу. Опубликовано несколько новых книг, авторы которых отрицают ответственность Советского Союза за преступление в Катыни. В замечательной библиотеке московского Музея имени Андрея Сахарова, с ее литературой о политических репрессиях, посетителей бывает – из более чем десяти миллионов потенциальных читателей – всего два или три в день, и молодежь среди них не слишком заметна. Интриги властей чуть было не привели к закрытию этого музея, против его бывшего директора Юрия Самодурова было возбуждено

уголовное дело. Несколько сотрудников гражданского общества «Мемориал», которые не собирались отказываться от своего права знать правду о прошлом и своими силами составляли списки жертв политических репрессий, даже были убиты.

Реакция общества на преступления коммунистического режима в отношении собственных граждан и граждан иностранных государств угадала, так и не успев развиваться, хотя и вопреки росту голосов, которые принципиально не признаются. Заявляется, например, что «так называемые демократы» намеренно извращают масштабы репрессий в СССР, чтобы оклеветать советскую систему. Объективной необходимостью оправдываются массовые репрессии, которые будто бы требовались для развития и усиления экономики страны и укрепления дисциплины перед войной, в которой бы страна иначе не выстояла. Сталин якобы должен был защищаться от заговора внутренних и внешних врагов режима. И якобы именно он прекратил репрессии и приказал расстрелять их организаторов. Несколько лет назад Владимир Путин, еще в качестве президента, подтвердил эту тенденцию в ориентации общественного мнения заявлением о том, что россиянам не за что стыдиться, потому что даже репрессии периода большого террора в конце тридцатых годов не были до такой степени ужасны, как зверства, которые совершались другими странами. Мрачные страницы истории есть у каждого народа, и Россия не позволит, чтобы ей навязали чувство вины⁴. Можно

⁴ Буквально В. В. Путин сказал следующее: «Что же касается каких-то проблемных страниц в нашей истории, да, они были, как они были в истории любого государства. И у нас их было меньше, чем у некоторых других. И у нас они не были такими ужасными, как у некоторых других. Да, у нас были страшные страницы. Давайте вспомним события, начиная с 1937 года. Не будем об этом забывать. Но и в других странах было не менее, пострашнее еще было. Во всяком случае, мы не применяли ядерного оружия в отношении гражданского населения. Мы не поливали химикатами тысячи километров и не сбрасывали на маленькую страну в семь раз бомб больше, чем за всю Великую Отечественную, как это было во Вьетнаме, допустим. У нас не было других черных страниц, таких как нацизм, например. Да мало ли что было в истории каждого государства и каждого народа. И нельзя позволить, чтобы нам навязывали чувство вины. О себе пускай подумают. Но мы для себя должны не забывать об этом. И мы не будем об этом забывать. Но при всем при том мы, конечно, будем исходить из того, что важнейшим принципом и способом организации

ожидать, что, начав кампанию против фальсификации национальной истории, рано или поздно придется предпринять некоторые конкретные меры для защиты «национальных интересов».

Эксперты в области внутривнутриполитических отношений в России в значительной степени согласны с тем, что от российского общества даже нельзя ожидать какого-либо резонанса, потому что репрессии, ГУЛАГ и другие преступления советской системы, которые стали стилем жизни, легче просто забыть. Однако, по мнению некоторых, страна находится под угрозой до тех пор, пока ее общество не принесет покаяния. Сами русские не удивлены отступлением от демократии. Так, по мнению писательницы Татьяны Толстой, Россия всегда после великих перемен, к которым относится и перестройка, возвращалась назад, к началу пути. Кроме того, в данном случае, как магическое заклинание, действует ностальгия по прежней мощной советской или русской империи и стремление к ее возрождению. В разговорах с русскими, как правило, возникает ощущение, что в этом вопросе наконец-то все пришли к единому мнению, даже те, которые в других случаях его иметь не могли, - диссиденты, коммунисты, эмигранты, новая элита, служители церкви, военные, интеллигенция и «простые люди».

Комиссия, созданная при президенте Медведеве, будет рассматривать вопросы о том, не являются ли некоторые интерпретации исторических событий, особенно периода второй мировой войны, «враждебными» применительно к интересам России. Трудно предположить, насколько могут эти изменения общественного настроения в России оказать влияние на возможность дальнейшего изучения судеб жертв политических репрессий, которым я занимаюсь в течение многих лет. Все чаще мне кажется, что хуже просто не может быть. В российских государственных архивах можно отметить ряд положительных перемен, но, например, доступ к ведомственным

нашего государства и общества, конечно, будет ориентация на нужды, на запросы гражданина, на его развитие, на его защиту. Демократия и будет способом организации нашего общества и государства.

архивам, особенно органов госбезопасности, военным или архивам Министерства иностранных дел, по-прежнему представляет собой неразрешимую проблему для исследователей. Общее для таких архивов – то, что необходимо приложить большие усилия только для получения разрешения на работу в них, и то, что исследователь не имеет возможности ознакомиться с каталогами и получить доступ к архивному оборудованию, а также в большой степени зависит от благосклонного отношения архивистов. Кроме того, значительная часть фондов этих архивов до сих пор не рассекречена. Сейчас имеется возможность, например, сделать открытыми для историков дела реабилитированных, при условии, что с момента оформления этих документов прошло 75 лет и что имеется нотариально заверенное согласие семьи репрессированного. Оба эти условия могут не только затруднить изучение судеб жертв политических репрессий, но и сделать его полностью невыполнимым. Для рассмотрения конкретной ситуации необходимо изучить, наряду с материалами следствия, также документы по реабилитации, а они часто создавались в девяностые годы, и поэтому могут стать доступными лишь после 2065 года, что несколько выходит за рамки моих исследовательских перспектив. Даже получить согласие родственников репрессированных, как правило, нелегко, а иногда и совершенно невозможно, потому что они или уже скончались, или место их настоящего проживания не может быть установлено.

Подобных трудностей, которые исследователи пытаются преодолеть, в России, несомненно, найдется гораздо больше, и не исключено, что их количество еще будет увеличиваться. Тем не менее, основания для того, чтобы исследования тоталитарной системы и судьбы ее жертв продолжались, до сих пор остаются в силе как в Польше, так и в Чешской Республике, не говоря уже о странах бывшего Советского Союза. Если бы мы отказались от постановки спорных вопросов, представляющих интерес для истории, то тем самым превратились бы в настоящих фальсификаторов истории.

Георгий Касьянов

Доктор исторических наук, заведующий кафедрой новейшей истории и политики Института истории Национальной академии наук Украины, старший научный сотрудник Национального университета «Киево-Могилянская академия».

«Комиссия Медведева»: взгляд с Украины

На Украине реакция на указ президента РФ Медведева от 15 мая 2009 г. «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» вызвала вполне ожидаемую реакцию – негативную. Разброс мнений был небольшим – указ оценили как еще одно проявление авторитарных или тоталитарных тенденций во внутренней и внешней политике России. Разумеется, вспомнили Дж. Оруэлла и «министерство правды»⁵. Некоторые политики правоцентристского толка назвали указ проявлением шизофрении⁶. Журналисты не поспешили на стандартные и достаточно тривиальные эпитеты вроде «абсурда» и «маразма» и поинтересовались возможностью санкций со стороны России относительно тех, кто будет пропагандировать неугодные российскому руководству исторические взгляды (одной из таких санкций назвали запрет на въезд в Россию). Эксперты расценили действие Д. Медведева как попытку «сохранения влияния в ближнем зарубежье»⁷.

Профессиональные историки также отнеслись к указу и последовавшим за ним действиям негативно. В одной из статей был даже упомянут документ – письмо историко-филологического отделения РАН подведомственным институтам, в котором предлагалось составить список «историко-культурных фальсификаций в отраслях, которые отвечают направлениям деятельности института (с указанием основных источни-

⁵ Грабовський С. Окупація минулого // Телекритика. 2009. 21 травня.

⁶ Микола Кульчинський: Указ Медведева – тотальна шизофренія російської держави // www.razom.org.ua/news/626.

⁷ www.uceps.org/ukr/expert.php?news_id=1466.

ков, лиц или организаций, которые формируют и распространяют фальсификацию)». Сюжет заканчивался словами: «Господа, готовьте ваши телефоны и электронные адреса!»⁸. В кулуарах исследовательских институтов и учебных заведений говорили о возможных сложностях в будущих контактах с российскими коллегами. Речь шла прежде всего о предполагаемых ограничениях в свободе дискуссий для российских коллег, о том, что открытое обсуждение некоторых спорных проблем, особенно тех, что касаются второй мировой войны, межвоенного периода, может стать опасным для тех российских историков, мнение которых не совпадает с официальной точкой зрения в России.

В целом же появление указа не стало сенсацией – его содержание и направленность были восприняты на Украине как должное, особенно в контексте затянувшегося (2007–2009) дипломатического и политического противостояния между высшим руководством двух стран по поводу политики в области истории. Напомним, что первоначальным раздражителем стали усилия украинского высшего государственного руководства, направленные на интернационализацию *Голодомора* – официально принятого на Украине комплекса исторических образов и репрезентаций массового голода 1932–1933 годов. В канун 75-й годовщины голода В. Ющенко и подконтрольный ему МИД в сотрудничестве с крупнейшими организациями украинской диаспоры развернули мощную просветительскую и пропагандистскую кампанию, направленную на признание голода 1932–1933 годов на Украине геноцидом украинского народа. Российское высшее политическое руководство восприняло эту кампанию как акцию, направленную на подрыв международного престижа своей страны, и организовало серию достаточно эффективных контрмер, в результате чего ни одна из авторитетных международных организаций, куда обращалась Украина (ООН, ОБСЕ, ЮНЕСКО, Европарламент), не признала голод 1932–1933 годов геноцидом украинцев, хотя во всех случаях было выражено сочувствие жертвам

⁸ Кульчицкий С. Європа – Росія: бої довкола історичної оцінки пакта Рібентропа – Молотова // Форум націй (Газета Конгресу національних громад України).

этой трагедии и приняты декларации, содержавшие стандартные инвективы в адрес тоталитарного режима. Эти акции сопровождалась весьма активными (точнее проактивными) действиями, призванными идеологически дискредитировать действия украинской стороны: заявлениями МИД и даже посланиями российского президента украинскому⁹. Лейтмотивом этой кампании была идея о том, что действия украинского руководства якобы разъединяют «братские народы» – иногда с намеками, иногда с явными обвинениями в том, что украинская кампания по 75-летию голода 1932–1933 годов создает крайне негативный образ России – правопреемницы СССР¹⁰.

За баталиями по поводу *Голодомора* последовали не менее скандальные события, связанные с официальным пересмотром Киевом новейшей истории Украины. Крайнее раздражение российских верхов вызвали действия В. Ющенко, направленные на обновление официального украинского пантеона. Присвоение (посмертно) главнокомандующему УПА Р. Шухевичу звания Героя Украины (высшее государственное отличие) в октябре 2007 г. также спровоцировало обмен нервными заявлениями: российская сторона протестовала против героизации «нацистских пособников», украинская – отстаивала суверенное право Украины на трактовку своей истории. Затем последовала «новая Полтавская битва» – по поводу 300-летней годовщины события, по традиции в Москве вспомнили о «предателе Мазепе», на Украине, само собой, чествовали Мазепу – «борца за независимость».

В общем, «бои за историю» между Россией и Украиной в последние три года стали неотъемлемой частью дипломатического и политического пейзажа. При этом российская сторона проявляла значительно большую активность, довольно агрессивно реагируя на любые проявления исторической по-

⁹ Наиболее скандальным актом стал отказ Д. Медведева приехать в Киев на официальную церемонию открытия мемориального комплекса, посвященного жертвам голода 1932–1933 годов.

¹⁰ Антироссийские мотивы действительно присутствовали в заявлениях по поводу голода 1932–1933 годов некоторых украинских политиков, в основном из президентского политического окружения. Сам В. Ющенко неоднократно подчеркивал, что он ни в коем случае не обвиняет ни Россию, ни российский народ в организации голода 1932–1933 годов. Впрочем, он и не опровергал радикальные заявления своих сторонников.

литики на Украине, способные, по мнению российского руководства, негативно сказаться на престиже России или же самого этого руководства.

Эти бои за прошлое весьма органически вписались в общий контекст «похолодания» в украино-российских отношениях, наступившего после «оранжевой революции» ноября-декабря 2004 года, когда поддерживаемый российским руководством В. Янукович потерпел поражение на президентских выборах. Последовавшие за этим энергетические, таможенные, тарифные, мясо-молочные, сахарные, трубопрокатные и пр. «войны» были прямым следствием прихода к власти на Украине сил, которые воспринимались В. Путиным, Д. Медведевым и их окружением как «прозападные», «антироссийские», «националистические». Декларативный дрейф Украины в сторону НАТО и Евросоюза был воспринят Кремлем как реальная угроза нарушения реального или гипотетического баланса в регионе традиционного доминирования. Последовали экономические, политические и идеологические санкции против Украины, резонанс от которых усугублялся отсутствием реальных реформ на Украине и хаосом во власти, последовавшим за «оранжевой революцией».

Баталии вокруг прошлого стали частью идеологических санкций со стороны России. Следует заметить, что эти санкции оказались неэффективными, хотя действия России и поддержали политики из восточных регионов страны (Партия регионов). Как ни парадоксально, эти действия способствуют консолидации национально-демократических и националистических сил на Украине, поскольку вполне естественно воспринимаются как угроза суверенитету страны. Точно так же они заметно повышают внутривнутриполитический престиж высшей власти в России.

Заметим также, что создание «комиссии Медведева» вполне органично вписывается и в более широкий международный контекст. «Историческая политика» стала в последние десятилетия XX и первое десятилетие XXI века весьма заметным явлением как внутри государств, так и в международных отношениях. Конфликты по поводу пересмотра прошлого стали неотъемлемой частью настоящего. На территориях бывшего СССР по поводу прошлого «воюют» Азербайджан и Армения, Таджикистан и Узбекистан, Украина и Россия.

Последняя не выходит из состояния «боевых действий» по поводу прошлого со странами Балтии и Польшей. Недавно поводом для конфликта стала резолюция Парламентской ассамблеи ОБСЕ по поводу «пакта Риббентропа-Молотова». История стала одной из предпосылок реальных войн на Кавказе (Чечня, Южная Осетия, Абхазия) и в бывшей Югославии.

Не представляет исключения и Евросоюз. В некоторых «странах-новичках» при законодательных и исполнительных органах власти действовали или действуют комиссии, призванные разобраться с наследием коммунистического режима. В Польше создан Институт национальной памяти с прокурорскими функциями. Похожее учреждение создано в Чехии. В Европарламенте звучат призывы к введению общеевропейского законодательства, вводящего судебное преследование за неправильную трактовку некоторых событий прошлого — по образцу преследования за «отрицание Холокоста». В ряде европейских стран такие законы действуют и даже стали предметом судебной практики. Политическая инструментализация истории вызывает растущее беспокойство интеллектуалов и профессиональных историков: под «Воззванием Блуа» (ноябрь 2008 г.) стоит уже более тысячи подписей¹¹. В этой ситуации создание «комиссии Медведева» с ярко выраженными полицейскими и надзорными функциями, как ни парадоксально, выглядит проявлением «общеевропейской тенденции», пусть и достаточно карикатурным.

¹¹ 11 октября 2008 г. на «Встречах с историками» в Блуа выдающийся французский историк, член Французской академии и президент ассоциации «Свободу истории» Пьер Нора обратился с призывом к историкам и политикам противостоять попыткам политической власти подвергать цензуре исторические исследования, навязывать единственно «правильное» изложение прошлого: *„В свободном государстве политической власти никогда не принадлежит право определять, что является исторической истиной, и ограничивать свободу историка под угрозой юридических санкций“*. Ассоциация «Свободу истории» была создана в 2005 г., когда 19 известных французских историков - Рене Ремон, Жак ле Гофф, Поль Вейн, Жак Жюльяр, Марк Ферро и др. – выступили против попыток вмешательства французского парламента в исторические исследования и оценку прошлого. Целью ассоциации является защита свободы исторических исследований от попыток идеологического и политического давления. Историки опасаются, что принятые в последние годы французским парламентом законы, вводящие уголовное преследование за сомнения в холокосте, геноциде армян, осуждающие работорговлю и т. п., могут отрицательно сказаться на их творческой свободе (Прим. Роберт Смигельски).

Игорь Кузнецов

Кандидат исторических наук, координатор Белорусского отделения Международного общества «Мемориал».

Монополия на истину

Президент Российской Федерации Дмитрий Медведев, похоже, всерьез взялся за борьбу за историческую правду. 18 мая 2009 года на официальном сайте Кремля появился текст президентского Указа «О Комиссии при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России».

Назад, в КПСС

Образование комиссии означает возрождение идеологической комиссии при ЦК КПСС. Казалось бы, кому приходит в голову в 2009 году возрождать опыт бог знает какой давности, который привел страну к полной катастрофе? Работа комиссии может привести к тому, что ученым в суде, с документами в руках, придется доказывать правомерность выявленных ими исторических фактов. Звучит абсурдно, но научные исследования приравнены фактически к действиям в уголовной сфере.

Сегодня в России борьба с неправильным пониманием и толкованием отечественной истории (и в первую очередь событий XX века) вышла на высший государственный уровень (В Белоруссии такая работа была завершена еще в 1999 году).

Собственно представителей исторической науки в «исторической миссии» не так уж и много – можно упомянуть директора Института всеобщей истории РАН Александра Чубарьяна, директора Института российской истории Академии наук Андрея Сахарова и доктора исторических наук Наталью Нарочницкую.

Создание комиссии ряд историков одобрили, но далеко не все согласны с ее составом. В ней должны быть представлены профессионалы – историки, специалисты по разным перио-

дам: Средневековью, новому времени, новейшему периоду - их уровень должен соответствовать поставленной задаче.

Ряд экспертов и политиков предостерегают об опасности превращения самой комиссии в инструмент фальсификаций. Если в ней возобладают позиции профессиональных историков, то она будет способна заблокировать попытки фальсификаций истории. Но если она создана для написания учебников, чтобы вмешиваться, как «товарищ Сталин в вопросы языкознания», то это возврат к старым временам, к той самой комиссии по написанию учебников по истории ВКП(б).

Как будут бороться

История - очень тонкая материя. Исторический анализ всегда требует участия профессионалов. Нет «чистой» истории. Историков часто обвиняют в том, что они субъективны. Да, история в определенной степени, когда ее начинают интерпретировать, будет иметь субъективный характер. И вряд ли мы когда-нибудь сможем от этого избавиться, потому что за историей стоят совершенно конкретные социальные интересы людей, народов, совершенно разные подходы и мировоззрения.

Отсюда возникает совершенно очевидная задача: любая комиссия, которую создает государство, для того чтобы восстановить историческую правду, конечно, должна содержать очень компетентный круг не конъюнктурных, не ангажированных, профессиональных историков, ученых. В составе данной комиссии этого не видно.

Если общество идет по пути признания своей демократичности, если оно утверждает, что историю нужно уважать, то это не должно касаться лишь выборочного отношения к отдельным явлениям или фактам, историк должен говорить так, как на самом деле есть.

При авторитарных и тоталитарных режимах периодически проводятся всякие «кампании», несущие в себе изрядную долю абсурда. Сегодня в России и в Белоруссии ширится кампания по выявлению разных фальсификаторов. К сожалению, всегда находятся люди, готовые во время таких кампаний про-

демонстрировать начальству свою беспринципность и особую прыть. В подобных ситуациях очень важно, чтобы здравомыслящие и порядочные люди не струсили и вовремя дали провокаторам по рукам, пока те не «заигрались». Указ Медведева приводит к тому, что группа дилетантов, для приличия разбавленная несколькими историками, решает, что есть добросовестное историческое исследование, а что – враждебная России фальсификация.

Уверен, что комиссия была не случайно создана за несколько месяцев до трагической годовщины 70-летия подписания Пакта Молотова-Риббентропа. И так произошло, что к вопиющим случаям фальсификации истории комиссия отнесла, например, точку зрения, согласно которой сталинский режим несет ответственность за развязывание второй мировой войны и гибель миллионов советских солдат и офицеров в ходе Великой Отечественной войны.

Не без участия членов комиссии было подготовлено Заявление совета палаты Совета Федерации Федерального Собрания РФ и совета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в связи с принятием Парламентской ассамблеей ОБСЕ резолюции «Воссоединение разделенной Европы: поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке».

В этом контексте можно с уверенностью сказать, что заниматься отделением исторических зерен от исторических плевел должны профессиональные историки, а не государственные чиновники и политики. Историки же сами, внутри своего сообщества, смогут определить, кто из их коллег – добросовестный ученый, а кто – ученый-пылесос, пытающийся втянуть исторические факты в толстое брюхо своей идеологии. Чтобы не получилось так, что ярлык «исторической фальсификации» окажется наклеен на вполне научную теорию или точку зрения, каковых в истории, между прочим, может быть больше, чем одна, – та, которая нравится начальствующим дилетантам.

Фортификация истории

Накануне юбилейно-государственных мистификаций, посвященных Дню независимости Белоруссии, министр обороны генерал Мальцев 25 июня 2009 года выступал перед участниками конференции «Партизанское движение в Беларуси и его роль в разгроме фашистских захватчиков в 1941-1944 годах».

Генерал Мальцев обратил внимание научной общественности на попытки фальсифицировать историю второй мировой войны. Особенно возмутило генерала некое издание, в котором он «прочитал о том, как хорошо было в Минске и вообще в Беларуси во время оккупации...». «Я вынужден был, – сказал генерал, – выступить в прессе со статьями по поводу фальсификации». Мало того, он пошел дальше и заявил, что якобы фальсификаторы истории представляют угрозу национальной безопасности Республики Белоруссии!

Но ничего, что могло бы вызвать столь крайнюю нужду в подобной речи и ряде статей генерала, не обнаружено. Ни новых документов, ни ссылок на некие враждебные издания, на конкретных фальсификаторов.

Зато много больших цифр, живой и неживой силы, боевой техники, много патриотизма, героизма, самопожертвования... В общем, сплошная фортификация в отбивании атак неких «фальсификаторов», утверждающих, в частности, что победа над Германией одержана «горой трупов», а не исключительно интеллектом и мастерством советских военачальников. Не хватает только «десяти сталинских ударов». Тем не менее перешедший в масштабное наступление министр обороны обещает, что *«этот бой в сфере смыслов не последний, но, несомненно, решительный и бескомпромиссный»*.

По какой, скажите, крайней нужде сайт российского Министерства обороны, а следом и телеканал «Россия» с генеральской прямоотой утверждали, что вторая мировая война началась по вине Польши? Не удовлетворила, мол, «умеренных претензий» Германии и втянула такую непорочную «общественную конструкцию», как СССР, в кровавую историю, не дала домаршировать совместный с фашистами парад...

Нет, не правда о войне беспокоит постсоветский генералитет и стоящих за ним бывших коммунистических, а ныне имперских идеологов – у них в этой правде особой нужды никогда не было и нет. А не дает покоя, раздражает та горькая правда, что для народов и стран, из которых после войны был сколочен советский блок, праздник освобождения от фашизма длился совсем недолго...

Хотел того генерал и министр или нет, но он четко, по-военному еще раз доказал, что идеологическая оккупация Советским Союзом продолжается у нас в Белоруссии до сих пор, подогревая реваншизм за историческое поражение в холодной войне, толкая к поиску внешних и внутренних врагов, подменяя осмысление истории и нормальную общественную дискуссию очередным, в духе ГлавПУРа СА, «сражением за правду».

70-летие заключения Пакта Молотова–Риббентропа вызвало оживленную полемику между Россией и Западом по вопросу о причинах и виновниках второй мировой войны. Российское руководство фактически возвращается к сталинской трактовке истории войны, вводит законодательные нормы, запрещающие иные точки зрения на эти исторические события, кроме официальной. А каково же место Белоруссии в этой идеологической полемике?

Создается впечатление, что белорусская пропагандистская машина оказалась перед лицом вызовов, к которым она просто не готова. Идеологический аппарат находится в растерянности, дезориентированный сменой политического курса руководства страны.

Государственная идеология Белоруссии была учреждена в начале 2000-х годов, когда сложилась белорусская социальная модель. Для окончательного утверждения ее нужно было скрепить пропагандистским конструктом, своим священным преданием с простыми и ясными постулатами. С 1999 года в Белоруссии действует специальная комиссия, которая выполняет роль основного цензора, и без ее одобрения не выходит ни один официальный учебник истории.

В последнее время большой курьез произошел с новыми школьными учебниками истории, которые трактуют исто-

рические события в гораздо более пророссийском духе, чем предыдущие. По старой советской традиции они повествуют о давних общих корнях, единстве судеб Белоруссии и России. Дескать, раздел Речи Посполитой и присоединение белорусской территории к Российской империи стало восстановлением исторической справедливости, а Кастусь Калиновский — уже не национальный герой, не борец за освобождение Белоруссии, а едва ли не сепаратист и пр.

Таким образом, получилось, что идеологи системы образования отстали на целый политический цикл и даже не заметили этого. Они не уловили новую тенденцию, а по инерции продолжают траекторию предшествующего периода, штампуя старые пропагандистские клише.

Как показывает опыт, сначала идеологические эксперименты проводятся в Белоруссии, а через какое-то время распространяются и в России. Но все попытки в административном порядке получить право на истину в последней инстанции исторически обречены на провал.

Анджей де Лазари

Профессор, заведующий кафедрой Центральной и Восточной Европы, факультет международных и политологических исследований Лодзинского университета (Лодзь, Польша).

Как справиться с российской историей?

Я не сторонник «исторической политики», так как чаще всего она становится истерической – как в Польше, так и в России. Историей пускай занимаются историки, политикой – «прикладным искусством», определяющим рациональное будущее, в том числе и в международных отношениях, – непредвзятые политики-дипломаты. Историк может быть романтическим идеалистом; политик должен быть реалистом-утилитаристом и не увлекаться мифами, в которые история часто превращается, особенно в СМИ.

Прав председатель правления российского общества «Мемориал» Арсений Рогинский, когда, комментируя указ Президента Российской Федерации *О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России*, говорит, что «стремление силами государства „дать достойный отпор лживым интерпретациям” – это совершенно зряшное дело»¹². Доказательство этому российский правозащитник видит, между прочим, в Польше: «Разного рода „институты национальной памяти” в бывшем соцлагере и в постсоветских государствах проводят государственные исторические политики своих стран (так же, как создаваемая госкомиссия призвана проводить отечественную историческую политику), и от этих институтов также мало пользы для межчеловеческого, межнационального понимания»¹³.

А ведь у Польши гораздо меньше проблем с историей, чем в России. Мы не спорим о флаге, гербе, гимне, у нас нет проблем

¹² Цит. по: Мошкин М. *Кто старое помянет. Президент Медведев принял историческое решение* // Время новостей. 2009. № 85. 20 мая.

¹³ Там же.

с «идентичностью». Польские ученики в первом классе учат стихотворение:

Kto Ty jesteś? - Polak mały.
Jaki znak Twój? - Orzeł Biały.
Gdzie Ty mieszkasz? - Między swymi.
W jakim kraju? - W Polskiej Ziemi
Czym ta ziemia? - Mą Ojczyzną.
Czym zdobyta? - Krwią i blizną.
Czy ją kochasz? - Kocham szczerze.
A w co wierzysz? - W Polskę [W Boga] wierzę¹⁴.

Когда я спросил у своих российских коллег, есть ли у них такое «объединяющее» идентифицирующее произведение, ответ был неутешительный: «Ни в коем случае! Никаких стихотворений. Анджей, ты должен понять: у нас нет России как национального государства. У нас империя, и мы хотим, чтобы Россия такой была. В московских классах за партами сидит не более 40% великороссов, остальные – это евреи, украинцы, татары, казахи, грузины, азербайджанцы и проч. НЕУДОБНО нам иметь такие стишки»¹⁵.

Другой мой корреспондент подсказал мне слова песни, которые, однако, можно отнести к каждой родине, не только к «русской/российской»:

С чего начинается Родина?
С картинки в твоём букваре,
С хороших и верных товарищей,
Живущих в соседнем дворе.

Несколько «конкретнее» более ранний советский стишок:
Кремлевские звезды над нами горят,
Повсюду доходит их свет.

¹⁴ Władysław Bełza (1847-1913). *Katechizm dziecka polskiego* (Катехизис польского ребенка).

¹⁵ Больше на эту тему см.: A. de Lazari, *Polskie i rosyjskie „zaprogramowanie kulturowe” (szkic problemu) // Polacy i Rosjanie – przewzyciężanie uprzedzeń*, Łódź 2006, С. 149-155.

Хорошая Родина есть у ребят,
И лучше той Родины нет!
[...] Наша Родина – Советский Союз. [Сергей Михалков.]

Есть и более современный (Владимира Фирсова), но мало известный и однозначно «неполиткорректный» для сегодняшней политической действительности, когда поставлена задача создания, по-моему, столь же утопической, как «советский народ», «российской нации» (см. www.rosnation.ru):

Россия! Не искать иного слова!
Иной судьбы на целом свете нет.
Ты вся сплошное поле Куликово
На протяженье многих сотен лет.
Россия! Зарождалось это слово
В звучании разбуженных мечей,
В холстах голубоглазого Рублева
И в тишине предгрозовых ночей.
На поле боя вызревали розы,
На пепелищах пели топоры.
Мы все прощали,
Мы – великороссы. [подчеркнуто мною. – А. Л.]

В России всегда были проблемы с «идентичностью»: официальная церковь и старообрядцы, славянофилы, западники и евразийцы, русские, советские и россияне, «многонациональный народ» и «российская нация»... «Кто мы?» – это основной, все еще не решенный вопрос, стоящий перед жителями многонациональной России.

А известны ведь и такие стишки:
Как сладостно отчизну ненавидеть
И жадно ждать ее уничтожения!
И в разрушении отчизны видеть
Всемирную десницу возрождения! [Владимир Печерин]

Будет ли власть противодействовать «попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» не только в политической истории, истории политики, но и в поэзии, в художественной литературе, в живописи? Я всегда протестовал, когда некоторые польские журналисты бесосновательно сравнивали Владимира Путина со Сталиным, но теперь засомневался. Уж слишком жестко советская власть боролась с «фальсификацией истории», неоднократно грубо фальсифицируя ее, убирая даже со снимков исторические лица, которые в «советскую историю» уже не годились... Разве теперь власть будет более снисходительна? Разве будут допустимы разные интерпретации одних и тех же фактов? Или же властью будет навязана одна интерпретация, одна «правда», один «народ», одна «национальность»? И возможна ли вообще в современном плюралистическом обществе одна «правда»? Справедливо ведь говорит упомянутый выше Арсений Рогинский, что «ни одна госкомиссия не сможет убедить, например, поляков в том, что 17 сентября 1939 года Красная армия вошла в Польшу не как союзник Гитлера, а как армия-освободитель [...] сложно будет убедить латышей или эстонцев в том, что освобождение советскими войсками Прибалтики принесло лишь благо. Мы имеем право говорить о том, что мы освободили эти народы от нацистов, потому что так оно и было. Но и те же латыши имеют право на свою версию истории – в частности, они не могут не помнить о зле: массовых депортациях и насильственной коллективизации»¹⁶.

Одна «Правда» возможна – даже необходима – в Костеле, в Церкви. Там ты – или с «Правдой-Христом», или вне «Правды-Христа». Другого выбора у тебя нет, и нет другой «правды». Одна «правда» проповедуется также в теократических и тоталитарных государствах – в Иране, в Северной Корее, на Кубе... В них о «правде» не поспоришь (хотя в СССР удивительно сосуществовали газеты «Правда», «Комсомольская правда» и «Пионерская правда»; получается – было несколько «правд»). В науке и в демократической действительности невозможна одна «правда», как и невозможна одна интерпре-

¹⁶ Цит. по: М. Мошкин...

тация данного исторического события даже в одной культуре, и тем более во всех культурах мира.

Понятно, что президенты Медведев, Качиньски и некоторые другие мечтают о том, чтобы все приняли их «правду» и их интерпретацию истории, но никакие указы в этом им не помогут, а могут насмешить и вызвать осмеяние авторов. Большой авторитет польской интеллигенции, католический священник, профессор Юзеф Тишнер сказал когда-то, что существуют три «правды»: «святая правда», «тоже правда» и «говно-правда». Я, хотя и агностик, вполне разделяю это мнение.

Людвиг Мехльхорн

Активный деятель оппозиционного движения в бывшей ГДР, один из самых известных участников „Акции Знак Покаяния“, действующей ради примирения и мира между Германией и странами-жертвами немецкого фашизма.

Посмотреть правде в глаза

1

Национал-социалистическая диктатура Гитлера ввергла в войну всю Европу, чтобы посредством уничтожения европейских евреев осуществить свои бредовые расистские представления и, применяя методы террора и порабощения, создать для себя на Востоке Европы колониальную империю. Но в конце своего существования она втянула и собственную страну в моральную, политическую и экономическую пропасть. Тезис данной статьи заключается в том, что из германского опыта можно при последующем обращении с историей извлечь общезначимые выводы, которые могут быть полезны и для осмысления истории других тоталитарных режимов. Сначала я сделаю набросок немецкого опыта и затем поставлю вопрос о том, проистекают ли из нашего опыта критерии, в соответствии с которыми можно оценивать российскую политику в области истории.

Уже летом 1946 г. философ Карл Ясперс, которого лишил покоя вопрос о том, в каком смысле стали виновными немцы как сообщество или как отдельные люди, различил в эссе, снискавшем большое внимание, четыре категории вины. В юридическом смысле виновен тот, кто совершил конкретные преступления. Эти преступления должны быть доказаны в ходе уголовного процесса в соответствии с принципами права. В такой ситуации не может быть коллективной вины. Напротив, политически виновны в принципе все немецкие граждане без исключения, даже противники режима и люди, кажущиеся «аполитичными», ибо все они жили в условиях государственного устройства данной страны. Инстанция, принимающая

решение о политической виновности, – это не уголовный процесс, а коллективная ответственность по отношению к сообществу народов, в которое вовлекаются и поколения, рожденные позже. (В политическом смысле ответственность несут даже немецкие евреи, так как компенсации выплачиваются и из их денег налогоплательщиков). В сфере моральной вины существуют величайшие различия между немцами, которые во время национал-социализма были взрослыми людьми. Инстанция, принимающая решения о виновности применительно к этой категории вины, – собственная индивидуальная совесть. Пусть каждый и каждая спросит себя, достаточно ли сделали они для восстановления права. И, наконец, имеется метафизическая вина. Она, по мнению Ясперса, заключается в «недостатке абсолютной солидарности с людьми как людьми». Опыт метафизической вины может и должен изменить наше самосознание, но никто не может упрекать в этом опыте другого. Инстанция, осуществляющая суд, – один лишь Бог.

Эссе Карла Ясперса было до известной степени руководством к осмыслению истории «третьего рейха». Речь идет о задаче, которая тогда неизбежно вставала перед немцами. Оказались ли мы на высоте этой задачи? На этот вопрос нет простого ответа. Прежде всего выясняется, однако, что различия, предложенные Ясперсом, имеют отчасти искусственный характер – ведь между различными в идеально-типическом отношении категориями вины существуют плавные переходы.

С учетом важной в уголовно-правовом отношении преступной вины осмысление началось крайне нерешительно. Большинство преступников судебные процессы обошли. Но было и несколько важных процессов (в частности, три Освенцимских процесса в 60-е гг. и процесс по Майданеку в 1975-1981 гг.), которые показали немецкой общественности, что происходило во время гитлеровской диктатуры. При рассмотрении политической вины нам следует различать Восточную и Западную Германию. ГДР как коммунистическая диктатура под советской гегемонией фактически встала на сторону «победителей в истории», отклоняя всякую политическую ответственность и уж тем более обязанность нести ее, просто объявив государственной доктриной «антифашизм».

Таким образом, с помощью идеолого-пропагандистского трюка ГДР спихнула с себя на Запад назойливый вопрос о вине и ответственности. Даже Берлинская стена выдавалась за «антифашистский защитный вал». Федеративная Республика Германия, будучи демократическим правовым государством, приняла на себя ответственность за историю, дав себе конституционный строй и создав государственные институты, препятствовавшие возникновению новой диктатуры. Взгляд в историю культуры показывает, справились ли немцы со своей моральной виной и в какой мере. Многие сделали школы и университеты, литература и искусство, церкви и организации гражданского общества. Никто не захочет вынести заключительное суждение о том, было ли и осталось ли это достаточным.

2

Из немецкого опыта обращения с историей – как его упущений, так и достижений – вытекают следствия, применимые и к России. Важнейшее среди них заключается в том, что посмотреть правде в глаза лучше, чем табуировать темные главы истории. Для этого необходима свобода культуры, науки и образования, в особенности же свобода историографии. Историография, находящаяся под контролем государства, несет в себе зародыш тоталитарного господства. В этом смысле комиссия по борьбе с фальсификацией истории, созданная президентом Дмитрием Медведевым, вредит прежде всего самой России. Нация, отказывающая себе в критическом взгляде на собственную историю, неспособна к взаимопониманию со своими соседями и рискует оказаться в ловушке заносчивой переоценки своих возможностей.

Говоря о преступной вине в российской истории, невозможно, вероятно, провести сегодня еще один процесс против тех, кто ответствен за репрессии в ГУЛАГе. Но так, однако, и целое общество может привыкнуть к принципу безнаказанности. В том, что было расследовано едва ли хотя бы одно политическое преступление последних лет, не может заключаться положительный знак. Прежде всего следует подумать

об убийствах журналистов и журналисток. Конечно, Россия более не является тоталитарной диктатурой, но многие люди остаются пленниками запугивания, исходящего от государства и общественного устройства.

Свобода слова в целом и в историографии в особенности еще не является, разумеется, гарантией того, что все историки, политики, журналисты и другие люди, действующие в общественной сфере, чувствуют себя приверженцами истины. Поэтому в крайних, исключительных случаях возможно и юридическое выступление против грубых фальсификаций истории. В Германии, например, запрещено отрицать холокост, что продиктовано защитой достоинства его жертв. Если теперь в России должно быть гарантировано объявление нацизма вне закона с помощью уголовно-правовых средств, то против этого в принципе мало что можно возразить. Ведь национал-социализм, естественно, необходимо преследовать. Остается только спросить, является ли комиссия правды в стиле Джорджа Оруэлла пригодным для этого инструментом. Конечно, следует опасаться, что тем самым создается «резинный» параграф, означающий фактически намордник для критически настроенных авторов. Имеется ли в виду, например, при осуждении нацизма осуждение и пакта Гитлера-Сталина и последовавшее за тем сотрудничество германского вермахта с Красной Армией и, наконец, гестапо с НКВД при покорении Польши и государств Балтии? На эту тему среди историков России существует широкая палитра взглядов. Спорные позиции могут возникать уже в связи с вопросом о начале войны. Началась ли она в сентябре 1939 или все же в июне 1941 г. как «Великая Отечественная война»? Дискуссии об этом могли бы быть уже вскоре прекращены, если бы российские суды подтвердили советскую доктрину и пришли к выводу, в соответствии с которым Сталин в 1939 г. спас мир.

В таком климате можно даже, что и произошло недавно на странице российского Министерства обороны в Интернете, дойти до абсурдного утверждения о том, что в развязывании второй мировой войны виновата Польша, так как она не согласилась с умеренными и справедливыми требованиями Гитлера. Такого рода констатация свидетельствует о недостаточном

уважении не только к полякам, но и к русским. Российское общество десятилетиями воспитывалось в духе лжи, что выражается, например, в статье «Польша» в томе Большой советской энциклопедии, вышедшей в Москве в 1940 г.: «Польша, так называлось государство, сложившееся в 10 в. и распавшееся в 18 в. Вновь было образовано после первой мировой империалистической войны из трех частей, находившихся до того под властью России, Австро-Венгрии и Германии. (...) Внутренняя гнилость и слабость Польши, агрессивная политика ее правящих кругов, политическая зависимость ее от империалистических Англии и Франции, втравивших ее в войну с Германией, обусловили ее распад (сентябрь 1939) под первыми же ударами германских войск. В результате распада Польского государства области Западной Украины и Западной Белоруссии были воссоединены с братским украинским и белорусским народами, остальная часть бывшей Польши отошла в сферу государственных интересов Германии».

Задаются вопросом о том, вносились ли когда-либо поправки в такого рода понимание истории. Само российское общество более других страдало от сталинизма, но как раз поэтому оно и заслуживает сегодня шанса на самокритичный самоанализ, чтобы иметь возможность освободиться от лжи о своем времени. Если сегодняшнее кремлевское руководство полагает, что правду об истории можно заменить государственной доктриной национальной гордости – это роковое заблуждение.

Андраш Рац

Кандидат исторических наук, старший аналитик в Институте стратегических и оборонных исследований Университета национальной обороны Цриния Миклоша в Будапеште (Венгрия).

Historia Est Magistra Vitae – везде, кроме России?

Недавнее решение президента Российской Федерации Дмитрия Медведева об учреждении комитета по “защите российской истории” было уже раскритиковано многими, на многих форумах. Однако большая часть этой критики сосредотачивалась на политических аспектах и на последствиях учреждения такого органа, связанных со свободой. В этой статье я предпринимаю попытку менее политизированного, но все же критического подхода, сосредоточенного большей частью на самой истории и проблемах описания истории.

Аспекты, которые я намереваюсь проанализировать в этом коротком эссе, связаны прежде всего с определением истории, сфокусированном на ее временных и географических рамках, и, во-вторых, с проблемой обнаружения новых источников, что обеспечивает непрерывные изменения истории. Конечно, поскольку в настоящее время лишь немного может быть известно о практических методах действия медведевской комиссии, мы можем лишь поднять некоторые вопросы и не можем дать на них конкретные ответы. Однако определенные вопросы, и прежде всего те, что остаются без ответа, могут быть важнее утверждений – просто потому, что вопросительные знаки более годятся для выражения сожаления.

Проблема определения границ

Новость об учреждении этой комиссии немедленно рождает в уме вопрос: где начинается история? Более того (что еще более важно): где она заканчивается? Относятся ли к компетенции этой комиссии исторические дебаты, связанные с событиями середины VIII столетия, с эпохой Киевской Руси?

Как насчет более недавних событий, например, второй чеченской войны – она уже принадлежит «истории» (например, комиссия имеет власть ее интерпретировать?) или это скорее политика? Кто собирается решить вопрос о рамках, в которые следует поместить событие?

Другой вопрос проблемного характера в том, что именно принадлежит российской истории или, другими словами, что означает «российский» в этом контексте? История Российской Федерации? Или история нынешней территории РФ? Или история всех русских вообще, включая эмигрантов, этнических русских, живущих в ближнем зарубежье и т. д.? Возможна также другая, намного более широкая интерпретация – что это история, вообще связанная с Россией, – например, двусторонние отношения с другими странами и т. д.

Можно поднять также вопрос географии. Российская империя во времена расцвета ее могущества осуществляла контроль над определенными частями сегодняшней Болгарии, Турции и т. д. Собирается ли комиссия контролировать также историю этих периодов и географических областей? Антон Орех в своей статье в «Ежедневном журнале» утверждает¹⁷, что комиссия предположительно будет «защищать» главным образом историю сталинской эпохи, пытаясь помешать странам Балтии, Южного Кавказа и Украине предпринять иные толкования и – в определенных случаях даже исследования – их собственной национальной истории. И хотя это уже безумие, у комиссии могли бы быть намного большие возможности, более широкая сфера ответственности, как раз из-за отсутствия конкретных ограничений в отношении того, что понимать под «историей»¹⁸.

¹⁷ Орех А. *Переизобретенная история* // www.ej.ru/?a=note&id=9101.

¹⁸ Можно было бы также отметить, что во многих странах Западной Европы выражение сомнения в определенных моментах истории является преступлением. Эти законы нацелены почти исключительно на тех, кто подвергает сомнению Холокост. Такие законы, благодаря их открытости, правовой и ограниченной компетентности, функционируют почти отлично – они исполняют свою роль, не препятствуя исследованию истории и научным дискуссиям.

Кроме того, если уж мы обсуждаем значения, то что означает «подавить любые фальсификации истории»? Слово «подавлять» и факт, что у комиссии, по-видимому, нет установленных законом полномочий (хотя она состоит из значительных фигур), может поставить вопрос о способах «подавления». Можно назвать несколько примеров тех, кто подвергал сомнению легитимность определенных фактов в новейшей истории России, и их усилия были позже «подавлены» – не случайно выше упоминалась чеченская война. В Думе уже обсуждался законопроект о санкциях против фальсификации истории, доходящих, возможно, до пяти лет тюремного заключения, что уже достаточно плохо, но слово «подавлять» имеет намного худшие коннотации. Можно убедиться, что это далеко не простое совпадение. Не имея формальных полномочий, комиссия может опираться главным образом на общественный страх перед неофициальными санкциями.

Проблема обнаружения новых источников и изменяющейся истории

Если вы исследуете историю, то обязательно сталкиваетесь с проблемой доступности источников. Поскольку методология и техническое обеспечение связанного с историей исследования развиваются, появляются и все новые и новые источники. Позвольте археологам выудить их (иногда из-под воды) или архивариусам, изучающим старые документы, найти новую информацию – и такой случай может полностью перевернуть наши знания относительно определенных элементов истории. Можно начать с отдаленного примера: успех Жана-Франсуа Шамполлиона в расшифровке египетских иероглифов полностью преобразил историческое знание и восприятие Древнего Египта. Некоторые представления и неверные истолкования структуры и функционирования империи фараонов были быстро опровергнуты, благодаря массивному количеству новой информации, ставшей доступной, и учебники по истории пришлось переписать.

Если мы интересуемся уже упомянутой историей второй мировой войны, или Великой Отечественной войны, как называют ее в России, можно привести достаточно подобных примеров. Во время войны британцы разработали очень эффективную операцию под названием «Ультра», нацеленную на дешифровку немецких и японских военных сообщений. После того, как «Ультра» вступила в действие, она обеспечивала бесценные разведданные о немецких планах сражений, стратегических решениях и т. д. Однако после войны вся информация относительно «Ультра» была засекречена, что было понятно в контексте перехода к холодной войне. Досье «Ультра» были рассекречены только в 1977 году, пробудив потребность переоценить многочисленные исследования, связанные с принятием решений союзниками во время войны, истории определенных военных кампаний и т. д. Таким образом возник новый набор источников, и историю снова пришлось переписывать во многих аспектах, включая некоторые весьма важные: например, история Битвы в Атлантике в 1941-1942 гг. была полностью переоценена.

В Советском Союзе секретность имеет давние традиции, что очевидно затрагивало и исторические исследования. Многочисленные источники засекречивались навечно, другие исчезали, а третьи, очевидно, подделывались или фабриковались, как демонстрирует это блестящая книга Дэвида Кинга «Комиссар исчезает» о методах советской цензуры в фотографии. В таком контексте многочисленные типы исторических источников остаются все еще неизвестными широкой общественности. Это относится не только к часто упоминаемым – особенно после первой публикации «Митрохинских архивов» в 1992 году – архивам КГБ, но также к источникам, связанным с «каждодневной» политической и экономической историей, начиная с примечаний к принятию партийных решений и кончая документами, связанными с внешней политикой, и т. д.

Однако как раз эти типы источников политической истории продолжают обнаруживаться во всех бывших центрально- и восточноевропейских «государствах-сателлитах». Историки находят их в рассекреченных делах различных архивов и, конечно, издадут их, чтобы лучше разобраться в истории комму-

нистическо-социалистической эпохи. В большинстве бывших коммунистических центральноевропейских государств существуют специальные учреждения, посвященные исследованию коммунистического прошлого. Они сосредотачивают свои исследования не только на позорных тайных полициях, но и на уже упомянутой политической истории, например, истории принятия определенных политических решений, как и почему развивались двусторонние отношения данной страны и Советского Союза и т. д. Исследования холодной войны также стали отдельной отраслью исторического знания, с многочисленными мозговыми центрами и привлеченными экспертами, организацией множества ежегодных конференций от Соединенных Штатов до Украины, от Эстонии до Болгарии и т. д. Обнаруживаются все новые и новые источники, появляется все новая и новая информация, приходит все большее понимание связей между событиями прошлого.

В таком быстро развивающемся международном контексте описания истории Россия может, конечно, попробовать остановить эти тенденции, но вряд ли преуспеет в этом. Одна из причин в том, что множество людей исследует проблему за пределами России. Другая причина состоит в том, что многочисленные источники (включая целые библиотеки, партийные архивы и т. д.) остались за пределами России, непосредственно в тех местах, где они были в момент развала восточного блока и Советского Союза.

Очевидно, практика, введенная уже упомянутым законом об истории, и принципы учреждения медведевской комиссии могут серьезно помешать историческому исследованию путем сохранения закрытости архивов, наказания историков и журналистов, которые используют подходы, не совпадающие с официальным восприятием. Они могут препятствовать процессу, могут замедлить его, но объективно не могут помешать тому, чтобы процесс начался, – в силу всех вышеупомянутых причин. Комиссия может быть в состоянии выиграть время и держать определенные факты в пустынных закрытых хранилищах секретных архивов. Нужно понимать, что есть вещи, которые были бы невыносимо неудобны даже сегодняшней российской элите, если они когда-либо обнаружатся. Вот неко-

торые из них, касающиеся истории Великой Отечественной войны: история более чем миллиона (!) бывших советских граждан, которые боролись против Сталина бок о бок с немцами; принятие решения, обрекшего Варшавское восстание на поражение, хотя Красная армия стояла лишь на расстоянии нескольких километров от места события; вопросы, связанные с советским знанием о Холокосте, и т. д. Многие из этих самых темных уголков советской истории так и останутся в тени, возможно, в течение долгого времени. С закрытыми архивами, с непредоставлением разрешений на их изучение по многим проблемам возможны лишь ограниченные исследования, основывающиеся на вторичной литературе и устной истории в России.

Однако процесс открытия уже запущен, особенно в отношении истории бывших «государств-сателлитов» и бывших республик Советского Союза. Откровенно говоря, уже не имеет значения, как жестко Россия пытается препятствовать появлению определенных интерпретаций: целые тонны документов выпали из-под контроля Москвы и ждут своей обработки историками, которые трудятся в свободных обществах – от Канады до Латвии, от Румынии до Германии.

Кроме того, в дополнение к объективному фактору существования архивов местных коммунистических партий, вооруженных сил и т. д., оставшихся на территории бывших «государств-сателлитов», существует и другой фактор, способствующий исследованию и лучшему пониманию истории эпохи холодной войны. Этот фактор - время. Поскольку время идет, сроки секретности некоторых досье истекают во многих государствах, и, хотя некоторые из них возобновляются, большинство из них делается открытыми. Следовательно, со временем историки будут иметь все больше материалов для обработки, обсуждения и издания. Поскольку появляются новые источники, а новая информация исследуется, история всегда будет переоцениваться и переписываться. И время от времени даже радикально – вспомним опять об успехе Шамполиона и его последствиях для всей египтологии.

Как медведевская комиссия собирается идти в ногу с постоянным изменением и развитием истории? Если они хотят

быть последовательными, есть только один ответ, который технически выполним, по крайней мере теоретически, – ответ, являющийся одинаково советским и бесполезным в то же самое время, а именно: написать новую официальную «Всемирную историю» и придерживаться ее любой ценой, независимо от результатов исторических исследований за пределами России. Однако в эпоху глобализации, Интернета и средств массовой информации это уже невозможно осуществить, не говоря уже о недостатке штата и ресурсов, необходимых для подготовки новой «официальной всемирной истории». Многочисленные новые источники по истории холодной войны и Советского Союза просто физически находятся за пределами России, как и множество соответствующих исследовательских центров. У медведевской комиссии просто нет доступа к ним, нет власти над ними; и поэтому на длинной дистанции она, откровенно говоря, обречена потерпеть неудачу

Из понимания того, что история и написание истории не могут контролироваться до такой степени (как во временном, так и географическом аспекте), вывод прост: вся медведевская комиссия будет не чем иным, как еще одним политическим инструментом, который будет использоваться избирательно, бессвязно, в соответствии с насущными политическими нуждами правящей элиты в России. Согласно новостям, комиссия не будет постоянным организмом, ее заседания будут происходить дважды в год и в ней не будет достаточно солидного научного персонала. Эти факты еще более усиливают опасность ее избирательного и тем самым непредсказуемого использования. Эта комиссия технически будет просто не в состоянии «управлять историей», в ее оруэлловском значении. Те времена фактически уже давно ушли – хотя они все же продолжают по крайней мере в умах некоторых российских лиц, уполномоченных принимать решения.

Ян Рачинский

Правозащитник, член Правления Международного общества "Мемориал" (Россия).

История как поле боя

Среди многих последствий краха коммунистического блока одним из самых любопытных и опасных является то, что ныне именуется «исторической политикой». Конечно, попытки использовать исторические аргументы - чаще мифы, чем реальные факты, - предпринимались и прежде, но сегодня в посткоммунистических странах это стало, похоже, настоящей эпидемией.

Политизация и инструментализация истории в разных странах принимает разные формы, но главных целей, как представляется, всюду две. Одна - конструирование новой идентичности (максимально монолитной) и консолидация общества вокруг власти; другая, тесно с ней связанная, - освобождение от чувства ответственности за прошлое. Без ответственности строительство намного проще.

Во многих странах так называемого ближнего (и чуть более дальнего) зарубежья в ходу концепция, сводящая всю сложность истории XX века к борьбе «империи зла» - Советского Союза (нередко явно или неявно отождествляемого с Россией) с мирными и демократическими соседями. Коммунистическое прошлое, неразрывно связанное с «рукой Москвы», нередко объявляют периодом оккупации.

Столь примитивные схемы вряд ли могут быть поддержаны серьезными учеными - но коммунистические режимы наплодили множество людей, имеющих дипломы историков и при этом готовых отстаивать по заданию партии любой вздор. Создание в такой кадровой ситуации государственных (или контролируемых государством) институтов для интерпретации истории (институтов национальной памяти и т.п.) вызывает настороженность, поскольку таит в себе опасность нового «единственно верного учения», пусть даже только в области истории.

Теоретически при желании можно было бы и у нас в России объявить большевистский режим не оккупационным, конечно, - это была бы неправда, но узурпаторским. Можно было бы на этом основании заявить о разрыве преемственности власти и о том, что ответственность за преступления прошлого лежит на руководителях ВКП(б)-КПСС, и дальше пытаться честно разбираться с прошлым и строить демократическое будущее.

Но Россия пошла, как всегда, по особому пути. В большой степени этот путь определен тем, что решительного осуждения коммунистического режима в России не произошло.

Навязываемая сегодня новая идентичность - замечательно монолитная (по крайней мере до кризиса) - есть идентичность старая: Россию нынешнюю в массовом сознании стараются максимально отождествить с Российской империей, из советского периода оставляя только победу в Великой Отечественной войне.

С помощью этой же победы достигается и вторая цель - освобождение от чувства ответственности: все издержки и все преступления режима оправданны, потому что якобы этим была обеспечена победа над фашизмом; а критики этого режима суть объективные пособники фашизма. Основные тезисы сегодняшней пропаганды - у нас тысячелетняя великая история, которой мы должны гордиться, и мы не только не виноваты ни перед кем, но все должны быть нам благодарны.

Эта примитивная схема не выдерживает столкновения даже с такими же примитивными, но чуть менее расходящимися с историческими фактами.

Возможно, сохранение этой схемы объясняется тем, что нынешние руководители (сознательно или подсознательно) ощущают себя «продолжателями» дела генеральных секретарей и любые жесткие высказывания в адрес властей уже не существующего Советского Союза принимают на свой счет. Занятно, что в проекте закона «О противодействии реабилитации нацистских преступников» Россия была названа не правопреемником, а продолжателем СССР! Более того, в Думе рассматривается поправка в Уголовный кодекс, предусматривающая срок до 3 лет за «объявление преступными действий стран-участниц антигитлеровской коалиции»! Ясно, что не о

Дрездене и Хиросиме думали авторы этой поправки - скорее, их беспокоило приближающееся 70-летие пакта Риббентропа-Молотова и начала второй мировой войны, которое, несомненно, вызовет рост интереса к этим историческим событиям.

Вероятно, именно с этим и связано и создание Президентом России Медведевым Комиссии «по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России».

Назначение комиссии вполне ясно уже из ее состава: среди 28 членов комиссии всего 5 историков, остальные - начальник Генерального штаба, представители Совета безопасности, ФСБ, Службы внешней разведки, Минюста и т.д.

Руководит комиссией глава президентской администрации Сергей Нарышкин, с недавних пор возглавляющий комиссию по охране государственной тайны, которая ранее приняла решение о засекречивании результатов расследования «Катынского дела».

Уже в день подписания указа о создании комиссии, 19 мая, небезызвестный прикремлевский историк А.Дюков так ответил на вопрос о включении в состав комиссии Н.К.Сванидзе: «Политика - это всегда компромисс. Я думаю, что без представительства «либералов» в Комиссии обойтись было нельзя. Это, конечно, может повлиять на эффективность работы Комиссии, но, надеюсь, не принципиально». Оказывается, присутствие даже одного «либерала» может повлиять на «эффективность» работы комиссии - ясно, что комиссия не собирается либеральничать.

Но если кому-то состав еще ничего не говорит, то сам Нарышкин, отвечая на вопрос, почему в комиссии мало историков, сказал: «прежде всего комиссия должна выявить, действительно, наиболее актуальные фальсифицированные факты истории, которые наносят ущерб интересам Российской Федерации, и организовать работу по противодействию. Ну, а это прерогатива, все-таки, не только историков, может быть даже не столько историков, а прерогатива государства».

Фальсифицированные факты, оказывается, должны выявлять не историки, а начальник Генштаба...

В том же интервью было сказано, что «учебники [истории] готовились в тяжелые 90-е годы, когда даже такие понятия, как «патриотизм», «национальная гордость», «национальное сознание», считались чем-то таким зазорным. Время прошло, наш народ эти комплексы сбросил с себя и имеет право гордиться своей историей и своей памятью».

Вряд ли требуется еще какой-то комментарий.

Стремление властей руководить исторической (как и любой другой) наукой не обещает для науки ничего хорошего, будь то в России или в любой другой стране. Исторические факты, как и законы природы, устанавливаются не начальником Генштаба и даже не всеобщим голосованием.

Единственный путь борьбы с фальсификацией истории - открыть для исследователей доступ ко всем архивным документам, сроки секретности которых истекли, — независимо от содержания этих документов, независимо от того, насколько они согласуются с теми или иными историческими концепциями. Должен быть доступ ко всем документам, независимо от того, «правильно» или «неправильно» они описывают те или иные события.

Только тогда можно надеяться, что прошлое станет предсказуемым.

Только тогда история перестанет быть оружием политиков и средством для разъединения народов.

Грета-Моника Тучкуте

Директор Центра геополитических исследований (Вильнюс, Литва).

Решение Президента России Д. Медведева о создании Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России и позиция Литвы по этому вопросу

Можно сказать, что российская интерпретация исторических событий тесно связана с глубоко взаимозависимыми проблемами исторической легитимности политического режима страны и неопределенности русской национальной идентичности. Именно в этом контексте следует рассматривать подписанный Президентом России Д. Медведевым указ о создании специальной комиссии, главная цель которой будет заключаться в противодействии «попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России».

Существенным фактором стабильности каждой политической системы является сильная и устойчивая национальная идентичность. Правительство должно или «создавать» национальную идентичность (как правило, это происходит при отсутствии у страны государственных национальных традиций, и Российская Федерация в полном смысле относится к данной категории стран), или действовать в рамках уже существующей идентичности, которая соответствует (фактически или бутафорски) национальным общественным ожиданиям. На практике эти два процесса обычно развиваются параллельно.

После распада Советского Союза правительство и население Российской Федерации оказались в сложной исторической ситуации с точки зрения национальной идентичности. Сначала это была, строго говоря, попытка дистанцироваться от «недемократического» прошлого, но она потерпела неудачу, потому что для большей части русского общества это было невозможно. С приходом к власти Владимира Путина

началась работа по «восстановлению и развитию» исторической преемственности. Это наглядно прослеживается, например, по российским кинофильмам: «Александр. Невская битва» - о герое Древней Руси Александре Невском, «1612» - о Смутном времени в России и войне с поляками, «Адмирал» - об одном из лидеров белого движения, адмирале Колчаке, множество фильмов о Великой Отечественной войне, «9 рота» - о войне Советского Союза в Афганистане и, наконец, цикл фильмов о героизме русских солдат во время Чеченской войны. Другой пример: по итогам телевизионного проекта «Имя Россия», личностью, достойной олицетворять Россию, был выбран Александр Невский, следующие два места заняли реформатор царской России XX века Петр Столыпин и Иосиф Сталин.

Это было бы замечательно, если бы только не очевидная непримиримость царской и коммунистической России, если бы не было гражданской войны, оставившей вопрос о том, кто именно - красные или белые - были истинными русскими патриотами. Сегодня в России пытаются показать, что обе стороны боролись за ее светлое будущее, просто у них было разное видение этого будущего. В конце концов существовала мощная советская империя (сверхдержава), каждое достижение которой подтверждает гипотезу о том, что большевики были такими же русскими патриотами, как и белогвардейцы. Однако в данном случае имеется и другая проблема - советская история полна массы негативных, связанных с насилием событий: кровавая коллективизация, голодомор на Украине, чистка 1937 года, захватническая война с Финляндией, пакт Молотова-Риббентропа, оккупация стран Балтии, массовое убийство польских офицеров в Катыни и т. д. Если все это публично признать и осудить, автоматически будет осужден весь советский период, который, таким образом, выпадет из исторической последовательности. Однако для большей части русского народа, для которой Советский Союз является прежде всего сверхдержавой, а не «империей зла», такой шаг правительства (по крайней мере, сегодня) был бы непонятен и неприемлем. Людей, которые сохраняют доверие к российскому политическому режиму (это доверие значительно, несмотря на весь русский авторитаризм), гораздо больше, чем

осуждающих идеологию советского прошлого. Эти обстоятельства, в первую очередь, проявляются в эксплуатации темы героизма участников Великой Отечественной войны и попытках скрыть преступления Сталина и его преемников. В то же время имеют место попытки обвинить всех вокруг в искажении истории, которые также объяснимы, ибо известно, что лучшая защита – нападение.

В данном контексте становятся более или менее понятны цели и последствия создания Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России и подготовка Российской Государственной Думой Закона о мерах против реабилитации фашизма. Это понимают не только независимые западные историки и аналитики, но и адекватные представители русского экспертного сообщества (защитники позиции Кремля также все понимают, но, не желая себе навредить, говорят то, что нужно). Например, доктор исторических наук, профессор МГИМО Андрей Зубов так прокомментировал создание комиссии: «Попытка перенести споры историков на уровень политики - это совершенно советское. Тот зловонный запах коммунистической идеологии тут же доносится до нас, когда такие формулировки предполагаются»¹⁹. Даже известный историк Рой Медведев, который положительно оценивает политику В. Путина, сказал: «Необходимость такой комиссии у меня не вызывает сомнения. (...) Но меня удивляет, во-первых, название, во-вторых, канцелярский стиль этого указа, абсолютно неубедителен и объявленный состав комиссии [следует отметить, что в основном она состоит из должностных лиц и апологетов Кремля. – Г.-М. Т.], который для меня, как для историка, не представляется авторитетным»²⁰. Таким образом, созданная распоряжением Д. Медведева комиссия, скорее всего, или будет настойчиво выражать взгляды действующей российской власти на истори-

¹⁹ Дмитрий Медведев подписал указ о создании комиссии по противодействию фальсификации истории, 19.05.2009, www.svobodanews.ru/content/transcript/1735146.html.

²⁰ Станет ли созданная при президенте комиссия по борьбе с фальсификацией истории органом цензуры для исторической науки?, 19.05.2009, www.svobodanews.ru/content/transcript/1735458.html.

ческие темы, или, как заявил представитель «Мемориала» Никита Петров, «это очередная бюрократическая инициатива. И, по сути, мы видим мертворожденное дитя. Звучит, конечно, грозно. Но судя по тому положению, которое утверждено президентом о комиссии, это еще один бесполезный совещательный орган при президенте»²¹.

Обращаясь к литовской позиции по этому вопросу, следует отметить, что наша страна не предписывает России, как ей относиться к своему историческому прошлому, но в то же время не собирается просто забыть тяжелые моменты истории, которые Россия, по указанным выше причинам, не хочет признать. «Мы знаем историю своего государства и народа. Мы верим, что в будущем россияне ее тоже лучше узнают», - сказал Роландас Качинскас, директор Департамента информации и связей с общественностью Министерства иностранных дел, в ответ на просьбу прокомментировать, каким образом комиссия может повлиять на развитие литовско-русских отношений в решении сложных двусторонних вопросов с целью оценки различных исторических событий²². Со своей стороны, известный литовский историк Чесловас Лауринавичюс также считает, что решение Президента России носит чисто политический характер и связано с политизацией истории - как в России, так и в окружающих ее странах, включая Литву. Он подчеркнул, что адекватная оценка исторических событий отсутствует как у российских, так и у литовских политиков, но, поскольку в настоящее время тенденция к поляризации снижается, он надеется, что решение Президента России на общую работу историков Литвы и России «никак не повлияет»²³.

Действительно, если во времена президента Валдаса Адамкуса внешняя политика Литвы в отношении России опиралась, прежде всего, на фундаментальные демократические

²¹ Там же.

²² *Вильнюс не поддержит Москву в фальсификации истории*, BNS, <http://politika.atn.lt/straipsnis/24200/vilnius-neleis-maskvai-falsifikuoti-istorijos>.

²³ Там же.

ценности, то сейчас (в частности, министр иностранных дел Вигаудас Ушацкас, скорее всего, поддержит инициативы нового президента страны Дали Грибаускайте [*Президент Литвы Даля Грибаускайте недавно обратилась к парламентскому комитету по международным отношениям с просьбой прекратить «острую риторику» по отношению к России. – Прим. переводчика.*]) налицо признаки того, что Литва в отношениях с Россией стремится обрести как можно более прагматичную позицию. Иными словами, признается, что наши страны имеют разные подходы к своей общей истории, подтверждается, что Россия не готова обсуждать эту тему, но одновременно заявляется, что это не должно помешать нашему сотрудничеству во взаимовыгодных областях, особенно в экономике. С одной стороны, изменение внешней политики Литвы может оцениваться положительно, тем более в условиях кризиса, когда каждый из партнеров, в частности, такой, как Россия, имеет большую важность. С другой стороны, необходимо иметь в виду, что экономическая дипломатия не должна привести к отрицанию демократических ценностей, особенно в отношениях с такими странами, как Россия, которая, как показала недавняя практика, не стесняется в оценках и даже фальсифицирует историю в свою пользу.

Подводя итог, можно сказать, что никто не собирается учить Россию, как ей жить и как относиться к своей собственной истории, но в то же время ей непозволительно навязывать другим свою историческую правду, в особенности если эта правда является циничной и с двойным дном. Поэтому такие страны, как Польша, Чешская Республика, Венгрия и бывшие советские республики, должны помнить о своей подлинной истории и не бояться возражать России, когда речь заходит об исторических событиях, которые она умышленно искажает в политических целях.

Ирене Шнейдере

Доктор истории, заведующая отделом Института истории Латвии в Риге, член комиссии историков при президенте Латвийской Республики.

Странная комиссия

Казалось бы, создание комиссии историков во главе с руководителем Администрации Президента Российской Федерации С. Нарышкиным не должно было вызвать особых эмоций в сообществе историков Латвии. Дело в том, что вот уже десять лет существует международная комиссия при Президенте Латвийской Республики. В ее состав входят эксперты из Латвии, России, Германии, Швеции, Великобритании, Израиля, Франции и США. Даже противники создания комиссии (а такие, естественно, были) вынуждены были признать, что именно благодаря активной деятельности комиссии сделан значительный шаг вперед в изучении сложной, противоречивой и неоднозначно воспринимаемой в обществе истории Латвии периода второй мировой войны и послевоенных лет (вплоть до восстановления независимости в 1991 году). Комиссия с момента своего создания каждый год проводит международные научные конференции, издает книги. За истекшие десять лет вышло 25 томов трудов комиссии историков Латвии. Один из томов издан на английском языке и, таким образом, доступен зарубежным исследователям. Благодаря деятельности комиссии историки Латвии получили возможность работать в зарубежных архивах (главным образом в России и Германии).

В самом конце октября этого года под эгидой комиссии историков Латвии прошла международная конференция, посвященная проблемам коллаборационизма, сотрудничества с оккупационными режимами и сопротивления им. В этом научном форуме принимали участие специалисты из девяти европейских стран, в том числе и из России. В кулуарах конференции шел оживленный обмен мнениями, в том числе и по поводу недавно созданной российской комиссии.

Почти одновременно с этой конференцией в Риге состоялся круглый стол российских и латвийских историков и жур-

налистов на тему «Балтийско – российская политика истории: как прийти к разрядке напряженности?». Одной из тем дискуссии стала политизация истории и роль в этом комиссии историков Латвии и российской комиссии под руководством господина С. Нарышкина.

Что больше всего смущает историков и журналистов? Некоторое недоумение вызывает уже само название созданной структуры – Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Возникает вполне закономерный вопрос – если история фальсифицируется в интересах России, то ей противодействовать не надо? Но это явно вопрос риторический.

Единодушной критике эксперты подвергли стремление властей России навязывать специалистам свою (нужную) трактовку исторических событий, явлений прошлого и желание формировать стереотипы при помощи пропаганды в средствах массовой информации и прежде всего на телевидении. Таким образом в массовом сознании создается образ единственно правильной «государственной истории».

В выступлении С. Нарышкина на заседании комиссии 28 августа этого года, опубликованном на официальном сайте Президента Российской Федерации, особо подчеркиваются два момента: с одной стороны, Россия является «исторической наследницей» Советского Союза (еще в 90-ые годы прошлого столетия это отрицалось, наоборот, всячески подчеркивалось, что Россия является новым демократическим государством, не имеющим ничего общего с тоталитарным Советским Союзом), а с другой стороны, правопреемница заранее отрицает возможность предъявления к ней каких-либо политических, финансовых и иного рода претензий. Более того, враждебно принимается любая критика советского периода истории Советского Союза. Все это свидетельствует о том, что на политическом уровне Россия не намерена нести ответственность за преступления, совершенные в период сталинизма. Учитывая болезненное восприятие этого трагического периода в истории Латвии в обществе, такая позиция руководства Российской Федерации, к сожалению, не может способствовать улучшению отношений между нашими странами.

Кажется естественным, что нельзя рассматривать осуждение преступлений сталинизма как выражение недоброжелательного или даже враждебного отношения к Российской Федерации и ее народу. Однако именно так интерпретируется с недавних пор любая критика Сталина и его политики. Особенно это относится к периоду второй мировой войны, все события которой в России сводятся исключительно к Великой Отечественной войне. События второй мировой войны, особенно начального ее этапа, тщательно «вытесняются» из общественного сознания.

Уже заранее можно сказать, что объектом критики за фальсификацию истории в ущерб интересам России непременно станут страны Балтии, в том числе и Латвия. Политическое руководство Российской Федерации постоянно упрекает Латвию за то, что здесь якобы происходит реабилитация нацизма и осуществляется пересмотр итогов второй мировой войны. Эти упреки беспочвенны. Но их продолжают высказывать с необъяснимым упорством. Такое впечатление, что в России желаемое хотят выдать за действительное. К сожалению, любые усилия историков тут бессильны. Здесь нужна политическая воля руководства России выслушать и понять своих ближайших соседей, а не продолжать диктовать им свои «условия игры».

И получается, что вопросы трактовки истории в определенной мере могут если не мешать, то тормозить развитие отношений между Россией и Латвией. Это подтверждается хотя бы тем фактом, что двум членам комиссии историков при Президенте Латвии не были выданы визы в Российскую Федерацию, куда они собирались ехать для участия в научной конференции и работы в архивах.

Вопросы деятельности комиссий историков Латвии и России в связи с упомянутыми научными форумами нашли отражение и в средствах массовой информации нашей страны. На вопрос корреспондента газеты «Телеграф» (№ 203 за 23 октября 2009 г.) «Васстораживает стремление президентов двух стран создавать официальные исторические комиссии?» известный российский историк и публицист Борис Соколов ответил: «Смотря что это за комиссии. Если их цель –

проводить исследования, изучать архивы, то это нормально. Как я понимаю, по такому принципу старается работать комиссия при президенте Латвии. Но совсем иначе, если деятельность комиссии направлена на репрессии. А в России реальные прецеденты уже есть. Против российского историка Михаила Супруна из Архангельска возбуждено уголовное дело за его работу в архиве. Я не верю, что это инициатива архангелогородских чекистов».

Эти высказывания, а также выступления российских ученых в проходящих в Латвии конференциях и дискуссиях свидетельствуют о том, что и определенная часть российских историков критически оценивает создание комиссии во главе с руководителем Администрации Президента Российской Федерации.

К тому же, судя по имеющейся информации, российскую комиссию с большой натяжкой можно назвать комиссией историков, поскольку большинство представленных в ней экспертов – политики и представители силовых структур. Это, несомненно, настораживает.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что ни у кого не вызывает сомнений необходимость осуждения преступлений нацизма. В этой связи надо сказать, что одним из основных направлений деятельности комиссии историков в Латвии является изучение Холокоста. Этой в советский период фактически запрещенной теме было посвящено несколько научных конференций и семинаров, а также отдельные издания трудов комиссии историков. Не обошли стороной историки и такие болезненные для восприятия многонационального народа Латвии темы, как коллаборационизм, оценка создания латышского легиона СС и деятельность самоуправления и период нацистской оккупации Латвии.

Однако также необходимо осудить преступления сталинизма. Без этого невозможно полноценное отражение трагической истории Латвии в XX веке.

Российская комиссия собирается наконец-то приоткрыть для исследователей архивы. Можно лишь согласиться с высказанным положением о том, что полноценное развитие исторической науки невозможно без изучения архивов. По

собственному опыту могу сказать, что до сих пор доступ иностранных исследователей к архивным документам был очень ограничен. Остается надеяться, что хотя бы в этом плане российская комиссия сделает шаг вперед, а не назад, как в оценке многих важных событий XX века. Надежда, как известно, умирает последней.